

© 2010 г.

Г.И. МИРСКИЙ

ИСЛАМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ислам. Ни об одной другой религии не говорят и не пишут так много. И дело не в том, что число мусульман в мире растет быстрее, чем число приверженцев других религий (их уже сейчас минимум 1,3 млрд.), а в беспрецедентной политической активности мусульманского сообщества.

Ислам можно назвать самой сильной и жизнеспособной религией современности. Ни в одной другой религии, наверное, нет такого большого числа верующих, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается как основа жизни и мерило всех вещей. Он привлекает все больше сторонников. Простота и непротиворечивость устоев этой религии, отсутствие сложных метафизических конструкций, способность дать целостную и понятную картину мира и общества – все это привлекает к исламу новые массы людей.

“Цивилизация бедных”, “примитивная религия”, “самая воинственная религия”, “религия нетерпимости и фанатизма”, “религия пустыни”, “религия бесконечного умаления человека” – как только не называли ислам, и все эти ярлыки не отражают сути мусульманского вероисповедания. Прежде всего, следует четко разграничить два понятия – ислам как религия и мусульманское сообщество (“умма”).

ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО

Ислам возник в VII в. в западной части Аравийского полуострова, где обитали арабские племена, исповедовавшие многобожие. Основателем ислама считается Мухаммад, по представлениям мусульман – пророк Аллаха и его посланник, через которого был передан людям текст Корана. Мухаммад родился в Мекке около 570 г. и умер в Медине в 632 г. Датой основания мусульманской религии считается 622 г. – год, в котором свершилась хиджра, то есть исход первых мусульман во главе с Мухаммадом из Мекки в Йасриб (Медину). От этого года отсчитывается мусульманское летоисчисление.

Ислам в переводе с арабского означает “предание себя Богу, покорность ему”. Мусульмане верят, что главная священная книга – Коран, представляющий собой Откровение, слова самого Аллаха – был устно передан Мухаммаду ангелом Джибрилом, а после смерти пророка запечатлен его последователями в письменном виде. Главная формула ислама – “шахада” (свидетельство, исповедание веры) гласит: “Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха”.

Мухаммад выступал в трех ипостасях: посланник Аллаха, пророк и имам – предводитель “уммы” (общины правоверных). После его смерти должность халифа (заместителя) должен был занять один из его сподвижников. Верхушкой общины на эту должность был избран сначала Абу Бакр, а затем последовательно Умар, Усман и Али. Сунниты считают всех их четверьмя “праведными халифами”, но шииты (это название идет от “шиа” Али – партии Али) рассматривают первых трех как узурпаторов,

лишивших власти единственного законного наследника пророка – Али, который был двоюродным братом и зятем Мухаммада. Для шиитов Али стоит лишь немного ниже самого Мухаммада. Али был халифом недолго, проиграл борьбу за власть Муавию, создателю халифата Омейядов, и был убит. Погибли и оба его сына – Хасан и Хусейн, причем последний, зверски убитый в иракском городе Кербела, почитается шиитами как величайший мученик, а Кербела, наряду с Неджефом, где похоронен его отец Али, стала одной из главных святынь и местом паломничества шиитов. С тех давних пор шииты считают, что халифом (имамом) должен быть лишь прямой наследник пророка, происходящий от Али и дочери Мухаммада Фатимы. Сунниты же придерживаются принципа выборности халифа.

Название “сунниты” (люди сунны) не означает, что только они верят в сунну, вторую священную книгу мусульман, содержащую описание поступков Мухаммада и его высказываний. Сунна, объясняющая Коран и дополняющая его, почитается всеми течениями ислама, включая шиитов, как следующий после Корана источник сведений о том, какое поведение или мнение угодно Аллаху. Коран и сунна лежат в основе шариата, комплекса предписаний, определяющих убеждения, формирующие нравственные ценности мусульман. Шариат (от слова “шариа” – прямой, правильный путь) воспринимается мусульманами как исламский образ жизни в целом, всеобъемлющий исламский комплекс правил поведения, включающий также юридические нормы и обычаи. На шариате построен фикх – исламское право и юриспруденция.

Шариат, а следовательно и ислам в целом, дает целостное объяснение мира, определяет отношение человека к другим людям, обществу, государству. Все поведение индивида от рождения до смерти укладывается в рамки предписаний, четко отрегулировано. Ислам – ясная и даже простая религия, без таких понятий, как божественная троица и искупление первородного греха, как у христиан, или перевоплощение душ, как у индуистов. Поэтому в принципе мусульманин должен чувствовать себя в этом мире совершенно спокойно, уверенно и душевно комфортно. Все, что от него требуется – это неукоснительно выполнять четкие и не допускающие разночтения предписания Аллаха, идти праведным путем, подчиняться строгому и суровому, но в то же время милостивому и милосердному Богу. Кроме того, мусульманин всегда должен ощущать свою принадлежность к “умме” – всемирному сообществу единоверцев. Отсюда – мусульманская солидарность, осознание общности, братства.

Все это, однако, не делает исламский мир единым. В исламе есть два основных толка – сунниты и шииты, но и они далеко не монолитны. Например, в суннитском исламе существуют четыре мазхаба (школы), имеющие различия в толковании ряда теологических вопросов – маликиты, ханафиты, шафииты и ханбалиты. Они не враждуют друг с другом, считаются равноправными. Среди шиитов большинство составляют так называемые двенадцатники. Они верят в возвращение двенадцатого шиитского имама, который якобы исчез в 873 г. или 874 г., но должен появиться в качестве махди (посланника Аллаха). Это направление шиизма господствует, в частности, в Иране. Есть и другие шиитские секты. Согласно традиции, пророк Мухаммад предсказал, что в исламе возникнут 73 секты, из которых правильной окажется одна. Имеются и такие секты, которые представителями ортодоксального ислама вообще не считаются подлинно мусульманскими – друзы, алавиты и другие.

Наряду с сектами еще в VIII в. появился суфизм – течение, основой которого была идея мистического познания Бога как идеал и высшая цель жизни, нравственное совершенство человека, проповедь аскетизма, бедности, воздержания и презрения к миру. Но все эти течения появились, естественно, не сразу. А вначале было единство, сплоченность, фанатизм. Вдохновленные новой динамичной верой, арабские воины в эпоху первых халифов пронесли, подобно урагану, по Азии и Северной Африке, опрокидывая царства и завоевывая народы. В период расцвета ислама территория халифата доходила до границ Китая на востоке и Франции на западе. Большинство завоеванного населения было обращено в ислам, остальные были “неверными”: от-

ношение к ним было весьма пренебрежительным. И все же мнение об изначальной нетерпимости ислама и мусульман можно считать спорным.

Безусловным фактом является то, что все те, кто исповедуют иную религию, рассматриваются как “неверные” и тем самым неполноценные, люди низшего порядка. Мусульмане – это избранная Аллахом общность именно потому, что они – единственно истинные правоверные. Однако, вопреки распространенному мнению, ислам не стремится к уничтожению “неверных” и не нацелен на то, чтобы все люди на земле стали мусульманами. Перед населением завоеванных стран был поставлен выбор: либо принять ислам, либо сохранить свою веру, но тогда платить специальный налог “джизья” и смириться с положением второсортных жителей империи. Все не мусульмане считаются неверными, но и тут была установлена своя градация: многобожники, язычники – хуже всех, заслуживают только презрения и отвращения. Люди двух других “авраамических” религий – христиане и иудеи – стоят выше язычников: это “заблудшие души”, первоначально тоже мусульмане, но поддавшиеся соблазну и прислушавшиеся к ложным, искажающим ислам учениям. С точки зрения мусульман, изначально и Тора и Евангелие были ниспосланы в таком же чистом виде, как Коран, но потом иудеи и христиане их исказили. Как иудеи и христиане, мусульмане почитают патриархов, начиная с Ноя, признают пророков, в том числе Авраама (Ибрахима), Давида (Дауда) и Иисуса (Иса), хотя и отрицают божественную природу Христа.

В арабском халифате, равно как впоследствии и в самой крупной и мощной мусульманской державе – Османской империи, отношение к иноверцам было, в общем, довольно терпимым. Христиане и иудеи, не будучи полноправными подданными халифа, а затем султана, носившего титул халифа, исповедовали свою веру, посещали храмы и синагоги, часто образовывали экономически процветающие общины. В отличие от Европы, в мире ислама почти не было еврейских погромов. Говорить об органической нетерпимости, а тем более непримиримости ислама как религии было бы явным преувеличением.

Средневековая арабо-мусульманская культура стала на какое-то время вершиной мировой цивилизации, ее блестящий расцвет затмил европейскую христианскую культуру. Авиценна. Аверроэс, аль-Газали – эти и другие выдающиеся мыслители, благодаря своим работам, ставшим известным в европейских университетах, оказали могучее влияние на развитие философии и богословия в Европе.

Увы, этот расцвет был по историческим меркам недолгим. Великая мусульманская империя, точнее, два сменивших друг друга халифата – Омейядский со столицей в Дамаске (просуществовавший с 661 г. до 750 г.), и Багдадский (750–1258 гг.) – пала под натиском новых завоевателей. Смертельный удар арабскому халифату нанесли монголы, завоевавшие в 1258 г. Багдад, после чего халиф правил в Каире, практически подчинившись мамлюкам. Но к этому времени уже выдвинулся новый народ, которому было суждено перехватить у арабов знамя мусульманской государственности. Это были огузы – туркмены, мигрировавшие из Средней Азии. Самый могущественный род этого тюркоязычного сообщества, воинственные и энергичные Османы, заложили основы мощной мусульманской державы, вошедшей в историю под названием Османской империи. Турки-османы овладели Арабским Востоком, Византией, Балканами, Сицилией, воевали с европейцами на Средиземном море, дважды подходили к стенам Вены.

Но тюркские завоеватели так и не смогли покорить Иран, который под названием Персии стал второй могучей мусульманской державой. Еще одно мусульманское государство, Кордовский халифат, до конца XV в. продержался на юге Испании. В последующие столетия Европа имела дело с исламским миром, представленным Османской империей, воевала и торговала с турками, и лишь Россия противостояла как Турции, так и Ирану, в результате многочисленных войн утвердила свою власть над территориями Закавказья.

Россия столкнулась с исламом и внутри своей постепенно складывавшейся империи. Первым врагом была Золотая Орда; в 1312 г. хан Узбек обратил своих подданных

в ислам. Те монголо-татары, которые не желали переходить в ислам, уходили на службу к московским властителям. Значительную часть бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Татарские эмиры и их соплеменники, принимая православие и смешиваясь с русскими, дали начало множеству семейств российского дворянства. Из татар вышли такие фамилии, как Аксаков, Алябьев, Бердяев, Булгаков, Гоголь, Горчаков, Державин, Карамзин, Кропоткин, Милуков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Тютчев, Ушаков, Чаадаев, Шаховской, Шереметьев и многие другие. Еще в XVIII в. около 17% русской знати составляли потомки выходцев из верхушки ордынских феодалов¹.

Освободившись от ига Золотой Орды в 1480 г., Русь вынуждена была обороняться от наследников этой державы – степных ханов, требовавших от Москвы дани и покорности, непрерывно нападавших на русские земли и грабивших их. Однако были не только войны, но и союзы. С начала XVI в. в грамотах крымских и ногайских ханов московского государя уже именовали “Великого улуса Великий князь”, а поскольку таким названием прежде обозначалась Золотая Орда, выходило, что ее законным преемником признавались правители Москвы. После взятия в 1552 г. Казани и в 1556 г. Астрахани московский государь был фактически признан законным правителем бывших ордынских территорий, кроме Крыма. С крымскими ханами, за которыми стояла Турция, еще долго пришлось воевать. В XVIII в. России пришлось столкнуться с горцами Северного Кавказа (ислам стал распространяться в Чечне еще с XIV в.). В XIX в. шла Кавказская война, в которой Российской империи противостояли мусульмане Дагестана и Чечни, создавшие имамат. Самый знаменитый из имамов, Шамиль, воевал с Россией четверть века. Наконец, в XIX в. к России была присоединена Средняя Азия.

Ислам в России никогда не искоренялся. Мусульман насильственно в христианство не обращали. Правда, после завоевания Поволжья мусульман выселяли из больших городов, впоследствии были разрушены сотни мечетей. Но при Екатерине II в 1773 г. был издан закон о “терпимости всех вероисповеданий”, запрещавший православному духовенству вмешиваться в дела других конфессий, а в 1778 г. в Уфе был создан муфтият, взявший на себя управление делами мусульман Поволжья². Хотя православные называли мусульман не только “магометанами”, но и “басурманами”, а то и “нехристями погаными”, в целом, проявлений расизма не было. На мусульман скорее смотрели как на неразумных людей, чуть ли не как на малых детей, которым Бог еще не открыл глаза.

Пока на Востоке населенные мусульманами земли одна за другой переходили под власть Российской империи, на Западе также происходило отступление ислама. Блистательная Порта, как именовалась Османская империя, проиграла многовековую битву за Средиземноморье. Ее поражения в войнах с европейскими государствами (главным образом на море) и особенно с Россией, показали, что Турция неуклонно отстает от других великих держав, прежде всего в области экономики. Именно технологическая отсталость являлась главной причиной военных неудач турок. Но она была лишь следствием общего упадка, некоего окостенения, изоляции от новых веяний, от того, что стало называться прогрессом. “Остановленная цивилизация”³ – так назвал Османскую империю А. Тойнби, писавший о “непреодолимой ригидности, бывшей ее фатальным дефектом”⁴.

Турецкий султан, как отмечал российский историк Л.С. Васильев, “был наиболее ярким олицетворением всесильной власти над подданными восточной деспотии, олицетворением той самой системы поголовного рабства, о которой писали Гегель и Маркс”⁵. Держава была изолирована от европейского мира; по словам американского

¹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1996, с. 55–57.

² Там же, с. 67–70, 132–133.

³ “Arrested civilization”.

⁴ Toynbee A.J. A Study in History. London, 1947, p. 171, 177.

⁵ Васильев Л.С. История Востока, т. 1. М., 2005, с. 306.

ученого Б. Льюиса, “буквально никакие европейские публикации не были доступны... не переводилась никакая художественная литература вообще... очень мало мусульман знали какие-либо христианские языки, это считалось ненужным”⁶. В Европе было Возрождение, Реформация, утверждались понятия свободы, равенства, независимости наций, гражданских прав, демократии – ни о чем этом мусульмане Османской империи и Персии даже не слышали. Европа считалась сферой “джахилии” (невежества), ею не интересовались.

Деградация Османской империи привела к тому, что уже в первой половине XIX в. крупнейшая из принадлежавших ей арабских стран, Египет, откололась от Порты, стала фактически самостоятельной под властью паши Мухаммеда-Али. Его сын, Ибрахим-паша, вел успешную войну против своего номинального господина, османского султана, разбил турецкую армию, захватил Аравию и Сирию и даже угрожал вторжением в Анатолию. Немудрено, что Турцию стали называть “большим человеком Европы”.

О противостоянии Османской империи странам Западной Европы уже не могло быть и речи; напротив, Порта попадала во все большую зависимость от западного капитала. Кончилось это тем, что в 1879 г. Порта официально объявила себя банкротом. Через два года доходы от государственных монополий и ряда налогов поступили в ведение “Управления оттоманского долга”, то есть в распоряжение западных держав. То же самое, кстати, произошло и с Египтом, фактически уже не зависимым от Стамбула. О “войне с неверными” давно забыли; не осталось и следа от конфронтации между исламом и христианством; в Крымской войне Турция воевала на стороне христианских держав, Англии и Франции, против другой христианской державы – России. Поэтому о многовековой, длившейся со времен крестовых походов и дошедшей до наших дней “войне” ислама и христианства всерьез говорить не приходится: это всего лишь миф.

После Первой мировой войны Османская империя перестала существовать. Турция превратилась в светскую республику. Арабские страны, избавившись от османского владычества и пройдя через стадию неокOLONиальной “опеки” западных держав, стали добиваться независимости. Этой цели они добились уже после Второй мировой войны. Появились десятки государств, обычно называемых “мусульманскими”; возник термин “исламский мир”. Мусульманские страны чрезвычайно разнообразны – и по языку, и по культуре, и традициям, и по экономическому положению. Ничто, кроме религии, не служит общим знаменателем для столь разных во всех отношениях народов, как, например, курды и индонезийцы, или марокканцы и афганцы. В мусульманском мире весь образ жизни основан на религии до такой степени, что сами термины “ислам” и “исламская цивилизация” могут звучать почти как синонимы.

Но поскольку ислам – это больше, чем религия – это также фактор идентичности, мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии в менталитете и традициях, осознают свою принадлежность к некоей не только религиозной общности. Это осознание, в отличие от того, каким обладают этнические группы, не отражает общности исторической судьбы (какие воспоминания о совместно пережитом прошлом могут быть, скажем, у жителей Египта и Бангладеш) и не включает в себя элементы этнической и языковой близости. Оно связано с духовной и культурной традицией. Принадлежность к мусульманскому сообществу поэтому порождает особого рода солидарность, базирующуюся не только на едином вероисповедании, но и на вытекающем из устоев ислама мироощущении, отношении, как к отдельным людям, так и к обществу в целом, к идеям, вещам и природе. Именно это, а не только религия сама по себе, позволяет говорить о существовании исламской цивилизации.

Эта цивилизационная солидарность является сегодня несомненным фактом. Бесчисленные конфликты и войны между мусульманами ничего в этом смысле не меняют. Цивилизации не бывают монолитными и бесконфликтными; в двух мировых войнах прошлого столетия большинство жертв составляли люди одной и той же западной

⁶ Lewis B. What Went Wrong? The Clash Between Islam and Modernity in the Middle East. New York, 2002, p. 145.

цивилизации. Если говорить о “мире ислама” в буквальном смысле, то этот термин не в большей мере отражает реальность, чем “славянский мир” или “англо-саксонский мир”. Но есть и разница: в 1969 г. была создана Организация исламской конференции, в которую сейчас входит 57 государств, не считая стран со статусом наблюдателя (к ним относится и Россия). Можно ли себе представить буддистскую, католическую или православную организацию мирового масштаба?

Термин “исламский мир” как бы подразумевает некую совокупность государств. Но как быть с мусульманами, живущими в отнюдь не исламских странах: в Индии, где насчитывается 160 млн. мусульман, в России, в Западной Европе? Вряд ли татарин из Казани или узбек из Ташкента могут считать себя членами мира ислама, что не мешает им ощущать свою принадлежность к мусульманскому сообществу.

В политическом плане исламские государства играют большую и все возрастающую роль в мире. Но, если не считать нескольких стран с небольшим населением, где обнаружались приносящие фантастические доходы запасы нефти, большинство не только арабских, но и прочих мусульманских стран еще не смогли преодолеть отсталость, доставшуюся им в наследство с османских времен. По данным Международного банка, общий экспорт арабских стран, если исключить из него нефть и газ, уступает экспорту Финляндии. По такому показателю, как продукция обрабатывающей промышленности, передовая арабская страна – Египет – занимает в мире 35-е место наряду с Норвегией. В течение последних 20 лет XX в. рост дохода на душу населения в 22 арабских странах составлял 0,5% в год, что ниже, чем где-либо, за исключением Африки южнее Сахары. Среди ученых в мире всего 1% мусульман; в одном Израиле больше ученых, чем во всем мусульманском мире. В арабских странах ежегодно переводится в пять раз меньше иностранных книг, чем в одной Греции⁷.

Причины такого отставания следует искать отнюдь не в новой истории, и в частности не в колониальном гнете. Если иметь в виду арабский мир, входящие в него страны не были колониями Запада, за исключением захваченных Францией стран Магриба и колонизированного Англией Адена. Египет долгое время был полуколонией Англии, но нельзя утверждать, что если бы не англичане и французы, Египет, Алжир, Тунис и Марокко сегодня были бы передовыми развитыми государствами – ведь судьба других стран, находившихся под властью не западных держав, а османского султана, оказалась ничуть не лучше. Поэтому более важным фактором исторического отставания арабских стран следует считать социально-экономическую систему, установленную в Османской империи, с ее засильем государственной власти, подавлением частной инициативы, отсутствием правовых гарантий для предпринимательства. В начале XX в. Турция точно так же отставала от развитых государств, как и управлявшиеся ею арабские страны. Лишь осуществленная К. Ататюрком секуляризация дала толчок к реальной модернизации страны. Следовательно, причины исторического отставания арабского мира, равно как Турции, Ирана, Афганистана, нужно искать в более ранней истории, в особенностях развития мусульманской цивилизации.

Живший в XIV в. арабский историк Ибн Хальдун писал, что экономика халифата была подорвана потому, что права собственности систематически нарушались правителями, считавшими себя вправе распоряжаться имуществом подданных. “Нарушение прав частной собственности убивает в людях желание заработать больше, так как они опасаются, что их усилия будут вознаграждены экспроприацией”⁸. Все это продолжалось и в султанской Турции с ее, по определению Ф. Энгельса, “хищнической экономикой”, основой которой была концепция визирия Низама аль-Мулька: “Земля государства и ее обитатели принадлежат султану... а ему сам Аллах дал в обладание мир”⁹.

Такой порядок не мог не тормозить процесс, аналогичный тому, который развивался в Европе – возникновение самостоятельных городских общин, становление

⁷ Ibid., 147.

⁸ *Ibn Khaldun. Discours sur l'histoire universelle*, v. II. Paris, 1978, p. 384.

⁹ *Nizam al Mulk. Traité du gouvernement*. Paris, 1984, p. 72, 76.

защищенного в правовом отношении рынка, создание плацдарма для формирования буржуазии. Было надолго задержано и технологическое развитие: “Когда сдерживалась частнопредпринимательская инициатива, – отмечал немецкий ученый Ю. Крониг, – государственная промышленность не имела стимулов для технического обновления, и это было решающим фактором индустриального упадка государства”¹⁰.

Есть и другая сторона проблемы. Как отмечал Л.С. Васильев, “в основе стандартизированного исламского знания лежали не вершины арабской средневековой мысли, а священная книга мусульман Коран, хадисы устного предания Сунны и заповеди мусульманского права шариата”¹¹. На протяжении столетий в мусульманском обществе доминировали богословы – правоведы (улемы), больше всего заботившиеся о том, чтобы не допустить нововведений (бида). Их ригидность, узколобость, одержимость идеей сохранения традиционных исламских устоев преграждала путь притоку новых общественных идей, прогрессу в материальной и технологической сферах, поскольку все это шло с Запада и, уже поэтому, было неприемлемо. Ведь нельзя было заимствовать что-либо у “неверных”. Поражение, нанесенное Наполеоном египетским мамлюкам в 1798–1801 гг., было таким шоком для улемов, что вскоре появилась формула: “Как мог мир стать адом для правоверных и раем для неверных?”¹²

Лишь постепенно для мусульманских мыслителей дошло, что дело в чем-то более серьезном, чем технологические достижения Запада, появилось понятие модернизации, но ведь она была связана с рынком иного типа. Против рынка ислам в принципе не мог ничего иметь, более того – торговля всегда почиталась. Но рынок эпохи модернизации на Западе имел такие особенности, прежде всего в правовой области, которые выглядели несовместимыми с шариатом. Общество, построенное на принципах современного рынка, не могло не быть правовым и светским. Именно поэтому оно воспринималось в исламском мире как “жизнь без священных ценностей”¹³.

В становлении современной “уммы” отметим следующие факторы: самоизоляция, вызванная пренебрежительным отношением к “миру неверных” и сделавшая невозможным контакт с Европой; модернизация, приток свежих идей и своевременное приобщение к общественным, политическим, культурным и технологическим ценностям и достижениям Запада; гипертрофированная, доминирующая роль мусульманских богословов, в результате чего духовная и интеллектуальная энергия общества оказалась скованной догматизмом и схоластикой; патриархально-патерналистская традиция, которая в сочетании с клановостью, партикуляризмом и мозаичностью социума благоприятствовала установлению автократических и деспотических режимов, препятствовала становлению гражданского общества и утверждению демократических начал социального развития.

ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ, ДЖИХАДИЗМ

Мусульманские традиции, основанные на Коране и сунне, тщательно и ревниво оберегаются исламскими духовными лицами, бдительно следящими за тем, чтобы нововведения не нанесли ущерб системе ценностей ислама и тем самым всему сообществу правоверных, вся жизнь которых должна этими ценностями определяться. Неизменным и незбылемым остается мнение о безусловном превосходстве ислама как религии и мусульманской общины над всеми остальными конфессиями и человеческими сообществами. Термин “избранное сообщество” в Коране отсутствует, но там есть слова, принадлежащие, как и все коранические тексты, самому Аллаху: “Вы были

¹⁰ *Kronig Y. Jihad versus McWorld. – Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung “Das Parlament”, 5.X.2001, S. 5.*

¹¹ *Васильев Л.С. Указ. соч., с. 185.*

¹² *Ashtor E. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. London, 1976, p. 257.*

¹³ *Noja S. L' Islam moderno. Milano, 1990, p. 29; Ortega y Gasset J. Una interpretacion de la historia universal, en Obras completas, v. IX. Madrid, 1965, p. 130.*

лучшей из общин, выведенных пред людьми”¹⁴. Мусульмане помнят, что было время, когда по уровню культуры и науки их предки стояли неизмеримо выше всего, что было в Европе. Но все это в прошлом, а сегодня всем миром заправляют неверные. У многих мусульман создается впечатление, что в течение столетий, а особенно в последнее время, некая дьявольская сила сознательно и целенаправленно стремится унижить и даже разрушить исламское общество, навязать ему чуждые ценности, вытравить сам дух ислама. Здесь и появляется почва для исламского радикализма.

Уже давно вошли в обиход термины “исламский фундаментализм”, “исланизм”, “политический ислам”, все чаще говорят и об “исламском терроризме”, что совершенно некорректно. Хотя большинство “международных террористов” в современном мире – это действительно мусульмане, но никто, например, не называет колонизацию Африки в XIX в. “христианской” на том основании, что колонизаторы были выходцами из христианской Европы.

Многие авторы не делают различия между такими понятиями, как исламский фундаментализм, радикализм (исланизм) и экстремизм. На самом деле фундаментализм вовсе не равнозначен политическому радикализму и тем более не порождает сам по себе терроризм. Фундаментализм – призыв вернуться к истокам веры, к первоначальной чистоте религии, искаженной и извращенной отступниками. Фундаментализм может быть присущ любой религии. Поборники мусульманского фундаментализма (по-арабски “салафийя”, от слова “салаф” – предки) призывают очистить свою религию от темных и позорных наслоений, искаживших ислам по вине нечестивых, неправедных правителей и погрязшей в роскоши и разврате верхушки общества.

Можно быть фундаменталистом и в то же время осуждать экстремизм, а тем более терроризм. Ислам как религия не призывает к насилию и террору, не поощряет его и никак не может быть в ответе за преступления террористов. В то же время можно утверждать, что путь к исламистскому (именно исламистскому, а не исламскому) терроризму, как правило, начинается с фундаментализма, разумеется, в головах организаторов, а не исполнителей террористических актов. Это звенья одной цепи: фундаментализм – политический радикализм (исланизм) – экстремизм – терроризм. Эта цепочка может прерваться после первого же звена, но может и продолжиться вплоть до “Аль-Каиды” и Усамы бен Ладена.

Исламский радикализм берет свою силу в глущем ощущении несправедливости, которое испытывают люди в Азии и Африке, особенно в арабском мире. Отсталость, низкий жизненный уровень, нищета, безработица – это фон, на котором процветает экстремизм. Во всем этом обвиняют старого врага – Запад, вчерашнего колонизатора и хозяина. Мусульмане гордятся своей древней и богатой цивилизацией, но видят, что в мировой иерархии их страны стоят на низшей ступени по сравнению с Западом. Убежденные в превосходстве своей культуры и в том, что только ислам является религией, содержащей истину, они с горечью видят, что в мире властвуют другие. Сила, мощь, влияние в сегодняшнем мире – не у них, а у Запада. А Запад сегодня – это, прежде всего, Америка.

Ю. Крониг писал, что люди Запада, видящие только бесспорные материальные, социальные и технологические достижения, упускают из виду все то, что “разрушил марш западной цивилизации: религиозное воспитание, чувство общности, социальную взаимопомощь, основанную на религиозных началах древнюю правовую систему, уважение к мусульманской культуре и ее ценностям. Нищие, неимущие массы в исламском мире видят себя жертвами западного заговора. Результатом может быть агрессивная решимость, превращающаяся в сочетании с религиозно-фундаменталистскими тенденциями в злокачественную смесь”¹⁵.

Все это и порождает ощущение господствующей в мире несправедливости, комплекс неполноценности, осознания своей совершенно незаслуженной “второсортно-

¹⁴ Коран (перевод И.Ю. Крачковского). 1990, 3:110.

¹⁵ *Kronig Y. Jihad versus McWorld. – Politik und Zeitgeschichte, Beilage zur Wochenzeitung “Das Parlament”, 5.X.2001, S. 5.*

сти” в глазах Запада, стремящегося подавить и растворить в своей безбожной материалистической цивилизации традиционные ценности мусульманского мира. Особенно ранимыми в этом отношении оказываются мусульмане, гордящиеся своей древней и богатой цивилизацией и видящие в то же время, что в мировой иерархии их страны стоят на низшей ступени по сравнению с Западом.

В этом смысле можно сказать, что “гнев мусульман” – всего лишь частный случай. Просто мусульманскому обществу, в особенности арабскому, в современном мире пришлось хуже, чем другим, если не считать жителей Тропической Африки. Насеровские мечты о создании объединенного великого арабского мира (“новый великан”) так и остались мечтами, хотя нескольким арабским странам благодаря нефтяным богатствам удалось прорваться к процветанию. Все светские системы правления, от западной парламентской демократии до насеровско-баасистского “социализма”, были испробованы и закончились провалом. Немудрено, что все громче стали раздаваться голоса, утверждавшие, что первопричиной всех бед арабов был отход от истинного, праведного ислама, от заветов Пророка, стремление рабски копировать системы, созданные чуждой, немусульманской цивилизацией, что привело лишь к порче нравов, упадку традиционных ценностей, росту своекорыстия и разложения верхов общества, пресмыкательству перед империализмом. Вестернизация, имитация западных образцов жизни была объявлена главным злом, зазвучал лозунг: “Аль-ислам хуа аль-халь” (“Ислам – вот решение”).

Но помимо этого общего настроения имеется и важнейшая специфическая причина локального характера. Это – Иерусалим (по-арабски Аль-Кудс – “священный”), третий из священных городов ислама после Мекки и Медины, место, где находятся две великие и глубоко почитаемые мечети – Масджид аль-Акса (“отдаленная”) и Купол скалы. Сейчас эти святыне места находятся в руках израильтян, которых мусульмане считают злейшими врагами ислама. Израиль для них – представитель и форпост Запада, прежде всего США. Американцев обвиняют в том, что по их воле евреи захватили святую землю. Практически единодушно мусульмане всего мира видят в этом трагедию и позор ислама, а преступниками называют Израиль и США. Это – важнейший из аргументов, обосновывающих необходимость “борьбы против Америки”.

«Мусульмане, – писал политолог С. Хантингтон, – опасаются мощи Запада и противятся ей и той угрозе, которую она несет их обществу и их убеждениям. Они рассматривают западную культуру как материалистическую, коррумпированную, декадентскую и аморальную... Мусульмане клеймят Запад не за то, что он следует неверной религии – ведь это все же “религия книги”, а за то, что он не имеет религии вообще. В глазах мусульман западный секуляризм, атеизм, проистекающая из этого аморальность – это гораздо большее зло, чем породившее их христианство. Во время “холодной войны” Запад навесил на своего противника клеймо “безбожного коммунизма”; в конфликте цивилизаций, последовавшем за “холодной войной”, мусульмане видят в своем противнике “безбожный запад”¹⁶.

Как уже отмечалось, в принципе мусульмане никогда не объявляли своим врагом христианство как религию – ведь это одна из трех “авраамических” конфессий; приверженцы ислама чтят в качестве пророков и Авраама и Иисуса. “Салафийя” в своей основе направлена не против христианства как религии, а против пагубного влияния Запада (и не столько христианского, сколько материалистического, марксистского или безбожного). У фанатиков-террористов ненависть к Западу, в первую очередь к Америке, имеет в качестве первопричины не религиозные факторы. Подъем, оживление, “политизация” ислама не могут быть объяснены в чисто религиозном контексте, не связанном с какими-либо серьезными изменениями в интерпретации ислама, или с религиозным расколом, появлением новых толков этой религии. Объяснение следует искать не в религиозной сфере, а в тех исторических и социальных обстоятельствах,

¹⁶ *Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1997, p. 213–214.*

которые определяют жизнь сотен миллионов людей не только в мусульманском мире, а в “третьем мире” в целом.

На западное общество потребления исламисты смотрят с отвращением. Египетский исламист У. Гунайим характеризовал это общество как “царство декольте и моды, апеллирующее к животным сторонам человеческой натуры”¹⁷. США рассматриваются как очаг разврата, сексуальной распущенности, гомосексуализма, феминизма и так далее. Даже то, что обычно считается достижением американского образа жизни, с точки зрения исламистов – грех и преступление. Эмансипация женщин для исламистов – это господство разврата, вседозволенности, превращение женщин в “коммерческий продукт потребления”. Свободные выборы означают, что американский народ свободно выбрал своих правителей и поэтому должен отвечать за все их плохие дела; нет такого понятия, как “невиновные граждане”. Хуже всего – отделение церкви от государства, установление светского образа правления. Ввиду всего этого Запад “вообще не заслуживает названия христианского”. Поэтому неправильно говорить о “войне религий” – ислам против христианства.

Главной опасностью объявляется угроза исламской культуре, духовным ценностям, всему образу жизни мусульман – угроза, исходящая от безбожного, погрязшего в материализме и разврате Запада, а не от христианской религии как таковой. Радикалы-исламисты внушают людям мысль, что, поскольку невозможно бороться на равных против технологически неизмеримо превосходящего их противника, единственно эффективным оружием является террор. Ислам должен либо смириться со своим упадком, ведущим к гибели всего дела Пророка, либо в целях самозащиты нанести беспощадный удар по растлевающему его Западу, и прежде всего, конечно, по США – этому воплощению Запада, его квинтэссенции, средоточию всего пагубного и антиисламского. Несомненно, именно такого рода идеи воодушевляли людей, направивших 11 сентября 2001 г. самолеты на нью-йоркские небоскребы. Это был их джихад.

Борьбу стали вести на два фронта: против “своих” нечестивых правителей-отступников и против “большого сатаны” – Запада (у мусульман сатана – не только захватчик, агрессор, но также, что еще опаснее, великий соблазнитель). Вот здесь и выдвигается на передний план концепция джихада. Многие убеждены, что это слово в переводе обозначает “священную войну”, но это неверно. Вообще по исламскому закону мусульмане вправе вести войну против четырех врагов: “неверных”, отступников, мятежников и разбойников. Только первые две категории подпадают под понятие джихада. Древние мусульманские правоведы считали, что существует джихад сердца, джихад языка, джихад рук и джихад меча.

Джихад согласно Корану считается религиозным долгом, хотя улемы никогда не включали его в число столпов ислама. Джихад всегда рассматривался как одна из главных обязанностей мусульманской общины. Буквально это слово означает высшее, максимальное усилие; главное понимание джихада состоит в том, что верующий борется против зла и дьявольщины в самом себе, путем самодисциплины стремится следовать воле Бога, идти по указанному им прямому пути, быть добродетельным, совершенным мусульманином. Это – “большой джихад”; “малый джихад” – это борьба за распространение и защиту ислама. В сунне (описании жизни и мыслей пророка Мухаммеда) говорится о том, что применение силы в сражении есть “малый джихад”, а усилия, направленные на мирное личное исполнение требований ислама (своего рода самоусовершенствование мусульманина) – “большой” или “высший джихад”.

В общем смысле джихад обозначает борьбу против зла и дьявола, борьбу за то, чтобы быть добродетельным, верным прямому пути, указанному Аллахом. Но исламисты делают упор фактически именно на “малый джихад”. Им есть на что сослаться, хотя бы на такие стихи Корана: “И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами... И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас...

¹⁷ *Pipes D. God and Mammon. – The National Interest. Winter 2001–2002, p. 19–20.*

И убивайте их, пока не закончится смута, и вера вся будет принадлежать Аллаху”¹⁸. Можно, конечно, истолковать это в соответствии с историческим контекстом, указать, что речь идет о многобожниках, а не о христианах, к тому же наряду с призывом убивать их есть и ограничение. Во второй суре сказано: “И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте (пределов дозволенного)”¹⁹. Но при желании можно интерпретировать и эти суры Корана как призыв убивать вообще всех “неверных”, то есть не мусульман. Именно это и делают воинствующие исламисты, а для ваххабитов (самой непримиримой из суннитских сект) врагами являются даже и те из мусульман, которые уклонились от выполнения этого “священного долга”. Российские ученые Н.П. Жданов и А.А. Игнатенко писали по поводу джихада, что “уйти от силового содержания этого понятия трудно”²⁰. Именно силовое, воинственное истолкование джихада стало идейным инструментом для радикальных, экстремистских исламских организаций.

Каноны джихада запрещают убийство гражданских лиц, требуют, чтобы противник был предупрежден перед атакой, а сам джихад может быть начат только с санкции уполномоченных на это духовных лиц. Все это полностью нарушается современными джихадистами.

Как писал арабский философ Садик аль-Азм, радикальные исламисты “заклеймили культуру, цивилизацию и общество нынешнего столетия как языческую, отступническую, неверную и безбожную”²¹. Крайним проявлением такой позиции стал “джихадизм” с такими лозунгами, как “Современное общество – языческое, его надо стереть дочиستا”; “Есть только две партии – Бога и сатаны”²². Абубакар Баасийр, руководитель подпольного индонезийского исламистского движения “Джамаа исламийа” обратился к “неверным” с такими словами: “Мы отвергаем все ваши взгляды и все ваши учения. Между вами и нами всегда будет пропасть ненависти, и мы будем врагами до тех пор, пока вы не станете следовать закону Аллаха”²³.

В документе, озаглавленном “Письмо к Америке” и опубликованном в ноябре 2002 г. (его авторство приписывают Бен Ладену), перечисляются требования, предъявляемые исламистами американскому народу: “перестать поддерживать Израиль в Палестине, Индию в Кашмире, Россию в Чечне”. В документе говорится, что если американцы не последуют этим советам, они будут побеждены, как все предшествовавшие крестоносцы, “их судьба повторит судьбу Советов, которые ушли из Афганистана”²⁴.

Исламисты, ненавидящие Америку как авангард безбожного, нечестивого, враждебного Запада, отвергают, естественно, и западную демократию как систему, несовместимую с шариатом. Один из их идеологов, С. Сирия, характеризовал демократию как «образ жизни, противоречащий исламскому пути. При демократии люди имеют власть издавать законы, разрешать и запрещать то, что они хотят, в то время как в исламе люди не обладают полномочиями решать, что есть “халяль” (разрешенное Аллахом) и что есть “харам” (запрещенное Аллахом), даже если у них по какому-либо вопросу достигнуто полное единодушие. Поэтому сочетать ислам с демократией равнозначно сочетанию, например, иудаизма и ислама; точно так же, как человек не может одновременно быть мусульманином и евреем, он не может быть в одно и то же время мусульманином и демократом»²⁵.

¹⁸ Коран. 1990, 2:189.

¹⁹ Там же.

²⁰ Жданов Н.П., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М., 1989, с. 222.

²¹ Sadik J. Al-Azm. L' Illuminismo islamico. Roma, 2001, p. 21.

²² Al-Ashmawy M.S. L' Islam politique. Paris, 2001, p. 26.

²³ IAS Newsletter, Cambridge University Press, 2003, July, p. 411.

²⁴ Lewis B. The Crisis of Islam. New York, 2004, p. 158.

²⁵ Al-Azm S.J. Islamic Fundamentalism Reconsidered. A Critical Outline of Problems, Ideas and Approaches. – South Asia Bulletin. Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East, 1993, v. XIII, № 18, p. 5.

Здесь мы видим, какую пагубную для самого ислама роль играет – как это ни парадоксально – то обстоятельство, что в нем отсутствует такой институт, как церковь с ее иерархической структурой, увенчанной наверху непререкаемым авторитетом. Католическую и православную церковь издавна обвиняли в том, что именно данный тип структуры утверждает моноцентризм и единомыслие, препятствует свободе мысли. Но вот в рядах мусульман появляется бен Ладен, который издает фетвы и объявляет джихад, не имея на то никаких прав, и некому его дезавуировать, нет духовного авторитета, обладающего полномочиями наложить вето на якобы исламские и коранические призывы фанатиков. Нет ни папы, ни патриарха. Особенность ислама в том, что, будучи основан на строжайшем единомыслии в том, что касается ядра учения пророка, устоев веры, он совершенно децентрализован в плане организации и структуры. Мазхабы (богословские школы) признаются равноправными, столетиями существовали секты, приверженцев которых никто не мог официально объявить еретическими, и хотя формально “врата иджитхада” (истолкования, решения вопросов богословско-правового комплекса) были закрыты тысячу лет тому назад. Интерпретация многих важнейших проблем является прерогативой правоведов и богословов (улемов и факихов). Немудрено, что при таком положении вещей богословские авторитеты, даже те, которые отвергают идеологию бен Ладена (а в исламском “мэйнстриме” таких подавляющее большинство), не обладают теологически обоснованным инструментарием воздействия на умы верующих, который позволил бы опровергнуть человеконенавистнические призывы экстремистов. Да и как бы они могли это сделать, если в одном из крупнейших мусульманских государств, Саудовской Аравии, официально господствует ваххабизм, многие идеи и положения которого вполне соответствуют экстремальной идеологии сторонников “Аль-Каиды”, хотя на практике последние воюют против саудийской монархии как “нечестивой”.

Но корни проблемы лежат еще глубже. Российский ученый Д.Е. Фурман отметил, что «если в христианстве громадная сфера общественной и государственной жизни оставалась свободной, способной к развитию, поскольку церкви важно было лишь, чтобы все признавали ее абсолютную власть в вопросах веры и она крайне редко вмешивается в социально-политические процессы – то в мусульманском мире все наоборот. Любые социальные формы и любые изменения должны оцениваться с точки зрения одной вечной модели – модели мединского государства (или протогосударства) пророка, зафиксированной в шариате. Здесь нет колоссальной “светской” сферы жизни, безразличной с точки зрения религии и поэтому – способной к эволюции»²⁶.

Действительно, в исламе отсутствуют церковь как институт и духовенство как служилое сословие – именно служилое, так как входящие, например, в шиитскую духовную иерархию аятоллы и худжат аль-исламы являются не священниками, несущими службу и назначаемыми епископами, а лишь религиозными авторитетами. А с другой стороны, все сферы общественной жизни контролируются и регулируются сообществом духовных лиц, в отличие, например, от христианства, где церковь заботится о том, чтобы признавали ее власть в вопросах веры и редко вмешивается в социально-политические процессы.

Пагубную роль играют неспособность и нежелание тех людей, которые являются авторитетами для мусульман и определяют духовный и интеллектуальный климат в мире ислама – богословов-правоведов, проповедников – видоизменять систему взглядов таким образом, чтобы она перестала быть основой для поддержания состояния вечной напряженности во взаимоотношениях между исламским сообществом и “другими мирами”. По существу, речь идет о перманентном состоянии войны, в котором держат исламский мир его духовные авторитеты; краеугольным камнем их идеологии остается, как и тысячу лет тому назад, концепция противостояния “Дар аль-ислам и Дар аль-харб” (мира ислама и мира войны), то есть вечной конфронтации. Это и есть

²⁶ Фурман Д.Е. Послесловие. – *Ан-Наим А.А. На пути к исламской реформации*. М., 1999, с. 275.

то поле, на котором так удобно произрастать идее джихада в его воинственной интерпретации – идее, логически ведущей к оправданию террора.

Поэтому, отвечая на часто задающийся вопрос: “что же не в порядке с миром ислама?” – можно утверждать, что неладно дело обстоит с духовным руководством мусульман, которое не смогло предотвратить появление “злокачественной опухоли” в организме своей религии. Джихадисты спекулируют на таком феномене, как мусульманская солидарность. Она, правда, никогда не мешала мусульманам вести между собой войны, но перед лицом неисламского мира они чувствуют свою “особость”, а иногда и превосходство. Американский публицист Т. Фридман пишет, что “хотя в исламе имеется глубокий моральный импульс, утверждающий справедливость, милосердие и сочувствие, в нем не получила развития доминирующая религиозная философия, позволяющая признавать иные религиозные сообщества равными себе”²⁷.

Поэтому идея джихада в воинственной интерпретации воспринимается многими мусульманами как вполне закономерная, отвечающая самому духу их религии и в принципе направленная на защиту ислама.

Исламизм стал мировым явлением, фактически он сейчас более заметен, чем ислам как таковой, как религия. Исламизм можно было бы назвать исламом, превращенным в современную идеологию, которая воспринимается ее адептами как ответ на вызов, брошенный мусульманскому миру западными идеологиями и общественными системами, как капиталистическими, так и социалистическими.

Рост исламизма заставил западных ученых и политиков в корне пересмотреть широко распространенную ранее концепцию, в соответствии с которой модернизация и успешное экономическое развитие поставят преграду на пути распространения экстремистских взглядов в “третьем мире”. Вопреки ожиданиям, главные очаги исламистского экстремизма и терроризма находятся не в наиболее нищих и отсталых странах, а как раз в тех, которые значительно продвинулись по пути модернизации, в известной мере подчинились законам глобализма, добились серьезных экономических успехов. Египет, Саудовская Аравия, Индонезия – это отнюдь не то доведенное до обнищания и отчаяния “дно” “третьего мира”, в котором логично было бы ожидать взрыва экстремизма.

Исламисты понимают, что одними призывами и пропагандой нельзя мобилизовать мусульманское общество. Они создали организации, образующие целую сеть ячеек так называемого социального ислама. Исламистские группы занимаются благотворительной деятельностью, медицинским обслуживанием населения, создают школы, обеспечивают людей хоть каким-то заработком, словом, берут на себя те функции, которые не может или не хочет осуществлять государство. Наиболее известной из исламистских организаций всегда были “Братья мусульмане”, возникшие первоначально в Египте, но затем распространившие свою деятельность и на другие арабские страны.

Самая могущественная из террористических организаций – “Аль-Каида”. Ее руководитель бен Ладен после того, как он создал “Фронт борьбы с евреями и крестоносцами”, издал фатву, содержащую слова: “Приказ убивать американцев – это священный долг, который необходимо выполнить ради освобождения мечети Аль-Акса и Мекки”²⁸. Мекка здесь упомянута, поскольку исламисты считают страшным позором пребывание вооруженных сил США в Саудовской Аравии, на земле, по которой ступала нога Пророка. Американцы обосновались там во время войны в Заливе после иракской агрессии против Кувейта по договоренности с саудовским правительством, которому исламисты не могут простить “такого предательства дела ислама”.

Бен Ладен, который, как известно, начинал свою карьеру боевика в Афганистане во время войны против советских войск, сказал однажды: “Кто хочет учиться, должен из этого извлечь урок. Советский Союз вошел в Афганистан в конце 1979 г., а через

²⁷ Friedman Th.L. Longitudes and Attitudes. The World in the Age of Terrorism. New York, 2003, p. 79.

²⁸ Le Monde, 9.X.2001.

несколько лет с помощью Аллаха его флаг был спущен и выброшен на свалку истории, и не осталось ничего, что можно было бы назвать Советским Союзом. Это освободило исламские умы от мифа о сверхдержавках. Я уверен, что мусульмане смогут положить конец легенде о так называемой сверхдержаве Америке”²⁹.

Сам бен Ладен скрывается где-то в горах то ли в Афганистане, то ли в Пакистане. Время от времени он посылает миру свои выступления, записанные на видеокассеты. Но реальным руководителем и главным стратегом “Аль-Каиды” является египтянин Айман аз-Завахири, в свое время брошенный в египетскую тюрьму за связь с боевиками, убившими президента А. Садата. В своей книге “Рыцари под знаменем пророка” он характеризует всемирное джихадистское движение как “растущую силу, сплывающуюся под флагом джихада во имя Аллаха и действующую вне рамок нового мирового порядка. Она свободна от прислужничества перед доминирующей западной империей. Она обещает крушение и гибель новым крестоносцам, выступающим против стран ислама. Она готова мстить руководителям мирового собрания неверных, США, России и Израиля. Она требует возмездия за кровь мучеников, за горе матерей, за бедствия сирот, за страдания заключенных, за несчастья народов, подвергающихся мучениям на всей земле ислама, от Восточного Туркестана до Андалузии”³⁰.

Важно отметить, что новое глобальное джихадистское движение, оперирующее под брендом “Аль-Каиды”, уже существенно изменило ландшафт мирового исламского сообщества. Во-первых, оно фактически разрушает традиционные исламские авторитетные структуры: вместо привычных “должностных” мусульманских духовных лиц на передний план выдвигается новое поколение – боевые исламисты, часто даже не имеющие настоящего религиозного образования и ранее никому не известные. Они дерзко берут “дело ислама” в свои руки, пользуясь уже отмечающимся отсутствием в этой религии единого духовного центра, издают фатвы, распространяют при помощи Интернета свои проповеди по всему миру, создают многочисленные ячейки, образующие глобальную джихадистскую сеть.

Во-вторых, новые джихадисты делают упор не столько на локальные и региональные дела и проблемы в исламских странах, сколько на создание глобального фронта, вовлекая в свои сети живущих в западных государствах выходцев из мусульманских стран, для которых первостепенным делом является уже не внутренняя борьба на их родине (они от нее чаще всего уже оторвались), а всемирный, не знающий границ поход “в защиту ислама”. Оторванные от родной почвы и живущие в неисламских странах мусульмане, особенно молодое поколение, как ни странно это может показаться, оказываются не менее, а чаще еще более исламистски настроенными, чем их соплеменники на “старой родине”. Отвлеченные от конкретных внутренних проблем мусульманских стран, вынужденные приспосабливаться к культурно чуждому обществу и часто противостоять ему, ощущая себя нежеланными пришельцами, такого рода мусульмане-иммигранты легче поддаются джихадистскому промыванию мозгов. Они начинают осознавать себя уже не как египтяне, пакистанцы или алжирцы, а как члены всемирного исламского братства – “уммы”, находящейся под угрозой. Так исламизм трансформируется в универсальный, глобальный феномен.

Этому способствуют известные мировые события, интерпретируемые джихадистами как “крестовый поход” Запада во главе с США против ислама. Американский автор С. Атран писал: «Нет доказательств того, что большинство людей, поддерживающих атаки самоубийц, ненавидят американские культурные свободы, скорее они осуждают внешнюю политику США, особенно на Ближнем Востоке... По данным отчета ООН, как только США начали готовиться к вторжению в Ирак, численность новых рекрутов “Аль-Каиды” выросла в 30–40 странах. Вербовщики террористических

²⁹ The Financial Times, 13–14.X.2001, p. 1.

³⁰ *Al Zawahiri A. Knights under the Prophet's Banner. Meditations on the Jihadist Movement.* – Al-Shark al-Awsat, London, 2001.

групп, как сообщается, заявили исследователям, что добровольцы буквально ломятся в двери»³¹.

Джихадизм – это не какое-то чуждое, неисламское течение. Даже если его назвать “злокачественной опухолью” на теле ислама, который (стоит повторить это еще раз) никак не может считаться религией насилия и террора, все равно приходится признать, что джихадизм, исламизм базируются на одной из аутентичных исламских традиций, берущих свое начало в глубокой древности, в военных походах пророка Мухаммеда. Это лишь одна из традиций, но она имеет свои корни в исламе, а не привнесена откуда-то извне. Поэтому ей трудно противостоять – но необходимо. Важно, чтобы мусульманские мыслители глубоко разобрались с вопросом о том, почему их религия дает экстремистам столько возможностей трактовать ислам в воинственном, непримиримом духе. Российские муфтии отмахиваются от этой проблемы путем изречений типа “террористы – это не мусульмане, а преступники, такие есть среди приверженцев любой религии”. Но почему именно ислам породил в своем лоне столько экстремистских организаций? Об объективных причинах этого феномена уже говорилось, но беда в том, что из них делаются ложные, пагубные для самого ислама выводы, причем со ссылками на Коран и на исламское учение в целом, и никто эти ссылки и эти выводы по-настоящему не опровергает. Ислам не смог выработать в себе противоядия против экстремизма – вот в чем проблема.

Большинство образованных людей в исламском мире, представителей мусульманской интеллигенции будут в ужасе, если им доказать, что путь воинствующего фундаментализма (именно его радикального, непримиримого толка, а не салафийи как таковой) в конечном счете ведет к изоляции их стран, отходу от магистральной дороги мирового прогресса, к экономической и социальной деградации, к средневековому мракобесию. Необходим серьезный, рассчитанный на долгие годы внутримусульманский дискурс, в ходе которого ретроградам и убийцам, использующим ислам для прикрытия своих членовененавистнических проектов, был бы дан достойный идейный отпор, а их взгляды, искажающие и компрометирующие подлинный ислам, не имеющий с терроризмом ничего общего, были бы разоблачены и отброшены.

Но здесь следует отметить одно чрезвычайно важное, возможно даже решающее обстоятельство: влияние политики Запада на умонастроения в мусульманском сообществе.

Уже упоминалось о наплыве добровольцев в исламистские организации после американской интервенции в Ираке. Никто, вероятно, не способствовал в такой мере активизации исламизма, как Дж. Буш-младший, вторгшийся на иракскую землю под фальшивым предлогом. Если бы западные державы продолжали следовать в русле провозглашенной Бушем и американскими “неоконами” концепции “установления демократии” в непослушных странах, можно было бы ожидать такого подъема исламистского экстремизма и терроризма, который действительно стал бы представлять угрозу цивилизации. Хорошо, что иракский урок, как можно надеяться, пошел впрок Вашингтону. “Неоконы”, потерпев полное фиаско, отброшены от ключевых позиций в американской администрации. Новый президент США Б. Обама провозгласил намерение “навести мосты”, принципиально улучшить отношения с исламским миром; он протянул руку даже Ирану, главному врагу США в ближневосточном регионе. Правда, еще неизвестно, что из этого получится, хотя у Вашингтона и правящих кругов большинства стран ислама разногласий не так уж много, если не считать проблемы израильско-палестинского конфликта. Тупик в урегулировании этой “заколдованной” проблемы расценивается очень многими мусульманами, винящими в этом США, как главное обстоятельство, не позволяющее им изменить к лучшему свое отношение к Америке и к Западу вообще. К сожалению, прорыв на этом направлении пока-что не просматривается, позиции израильтян и палестинцев диаметрально противоположны. Препятствует улучшению отношений также и война в Афганистане, сейчас переки-

³¹ Atran S. Mishandling Suicide Terrorism. – The Washington Quarterly, Summer 2004, p. 74.

нувшаяся уже и на Пакистан. Решение этих двух проблем займет много времени, и это играет на руку исламистам.

Но несмотря на эти серьезнейшие препятствия, можно сказать, что у Запада есть ресурсы для того, чтобы убедить мусульман в главном: им нечего опасаться некоего антиисламского “крестового похода”. Для этого Западу надо многое изменить в самом подходе к “бедному Югу”, к “третьему миру” в целом, избавиться от собственного комплекса превосходства, от стремления “учить слаборазвитых, как жить”. Если таких изменений не будет, трудно выбить из рук исламистов их оружие.

Другая крайне важная проблема – десятки миллионов мусульман, живущих в Западной Европе. Уже говорилось, что они восприимчивы к идеологии исламистов, может быть, еще больше, чем жители собственно мусульманских стран. Если не будет решен вопрос об интеграции этих людей в общество принявших их стран, причем таким образом, чтобы они не чувствовали, что теряют свою мусульманскую идентичность, будет сохраняться почва не только для экстремизма, но и для террористической деятельности самого зловещего типа.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА?

Не так давно появился термин “реисламизация”. Он обозначает понятие, гораздо более широкое, чем исламизм. То, что в современном мире происходит подъем религиозных чувств, подмечено уже давно. Религия, как и национализм, вместо того, чтобы уходить в прошлое как “пережитки умирающих эксплуататорских формаций”, о чем писали марксисты, стали приобретать гораздо большее значение в сознании людей, чем прежде. Заговорили о новом подъеме религии. “Возрождение ислама” или, точнее, “оживление”, “подъем” (ислам не умирал и поэтому не может возродиться) – термины, широко распространенные в наши дни – это лишь часть общей картины. Сами по себе эти термины, равно как и “кризис ислама”, могут только ввести в заблуждение. Действительно, в мусульманском мире почти повсеместно делается гораздо больший, чем прежде, упор на возрождение исламского культурного наследия. Это заметно во всем, включая рост строительства мечетей, рост паломничества, интерес к ношению традиционной одежды, в том числе чадры для женщин. Во внутреннем развитии, в своих основах ислам остается таким, каким он был всегда: Аллах остается единственным сувереном и единственным источником закона. Нет разделения на светскую и духовную сферу жизни. Но это не означает, что мусульманское сообщество склонно к воспроизводству окостеневших средневековых форм общественного устройства и оказалось неспособно к модернизации.

История показывает, что если говорить о государственном устройстве, принцип единства светской и духовной власти при безусловном доминировании религиозных предводителей уже вскоре после образования халифата остался лишь в теории: дворец и мечеть были разделены. Теократия в принципе, конечно, может вытекать из сущности ислама, но лишь имам Хомейни вывел это на практический уровень, установив в Иране после “исламской революции” 1979 г. режим “веляят-э факих” – правление богословов-правоведов. Кроме Ирана, в мире ислама теократических государств нет. Вообще же мусульманское общество на протяжении веков показало свою способность умело адаптироваться к современности, хотя многие до сих пор недооценивают его гибкость и динамизм, равно как и способность предпринимателей-мусульман “вписаться” в нынешнюю глобальную экономику. Но речь идет именно о государственном устройстве и о сфере экономики, а в общественной и идеологической сфере мощные позиции занимают улемы и другие духовные лица, которые, как уже отмечалось, в принципе противодействуют всему, что идет с Запада, страшатся новых идей и веяний. Часто говорят о 8 тыс. принцев, образующих правящий класс Саудовской Аравии, но несравненно более влиятельными являются 100 тыс. духовных лиц, богословов-правоведов, проповедников, которые держат под контролем общество в этой стране.

“Какая тенденция станет преобладающей среди 1,4 млрд. мусульман мира – силовая конфронтация или мирное сосуществование?”, – задается вопросом лондонский

еженедельник “Экономист”, и отвечает: “Вот уже некоторое время притягательная сила идей наиболее насильственной части исламистского радикализма стала ослабевать... Идеология глобального джихада отступает. Некоторые видные проповедники бесконечного джихада признали ошибочность своих взглядов под влиянием как общественного отвращения, которое вызвал нигилистский террор, так и неспособности радикалов консолидировать достигнутые ими успехи”³².

Действительно, за последние несколько лет джихадисты не могут записать в свой актив сколько-нибудь серьезные достижения; похоже, что движение миновало пик своего влияния, и винить за это исламисты могут только самих себя. Дж. Буш-младший своим вторжением в Ирак дал им великолепный шанс создать новый мощный очаг терроризма. Сначала они этим воспользовались в полной мере – организация «Аль-Каида» в Месопотамии стала грозной силой, вступив в союз с суннитскими боевиками. Но уже в 2007 г. этот альянс рухнул, иракские сунниты повернулись против своих союзников, нахлынувших в страну со всех концов арабского мира, и присоединились к американцам. «Америка – это плохо, но “Аль-Каида” еще хуже», – решили суннитские боевики, доведенные до возмущения безобразиями и зверствами своих беспощадных и фанатичных партнеров. А в Пакистане, где изгнанные из Афганистана талибы устроили себе базу и убежище в северо-западных районах и воюют против пакистанской армии и американцев, общественное мнение, ранее симпатизировавшее Талибану, повернулось сейчас против него. Причина та же: в подконтрольных им районах талибские мракобесы под видом шариата установили жесточайший террор, отрубая головы несогласным с ними и доводя женщин до глубочайшего унижения. Наконец, стали широко известны жуткие подробности борьбы алжирских исламистов против правительства, в ходе которой были беспощадно уничтожены десятки тысяч мирных крестьян.

Иначе и быть не могло: здесь проявился коренной органический порок исламизма. Если бы исламисты отказались от своих бесчеловечных методов борьбы, от организации взрывов “шахидов”-смертников, от изуверства по отношению к женщинам – они не были бы теми, кем они являются. Понятно, что подавляющее большинство мусульман не хотело бы жить под властью людей типа лидеров Талибана или “Аль-Каиды”.

Как точно подметил профессор Эрфуртского университета в Германии Кай Хафез, “политический ислам, ставящий своей целью установление исламского политического порядка, является не более чем лодочкой в широком потоке реисламизации. Это феномен меньшинства, он подпитывается гораздо более крупным движением народной набожности и социального неоконсерватизма, но никогда еще не смог привлечь к себе большинство населения ни в качестве симпатизирующих, ни в качестве избирателей... Даже многие консервативные верующие дистанцируются от исламизма, непредсказуемого и несущего беспорядок. Буржуазный элемент внутри консервативно ориентированного течения реисламизации опасается радикальности исламизма”³³.

Действительно, исламизм, “непредсказуемый и несущий беспорядок”, не смог привлечь к себе большинства населения. Людей не устраивает перспектива установления теократии, их страшит призрак Талибана с его мракобесием. В Египте 88% опрошенных считают, что группы типа “Аль-Каиды”, убивающие гражданских лиц, нарушают предписания ислама. Согласно опросам Гэллапа, проведенным в ряде стран в 2007 г., всего 7% мусульман считают “полностью оправданной” террористическую акцию, осуществленную “Аль-Каидой” в США 11 сентября 2001 г. В Египте 82% опрошенных полагают, что демократия – это хорошая или даже очень хорошая форма правления³⁴. Даже популярность “Братьев-мусульман” и родственных им групп на Арабском Востоке еще не говорит о том, что любые свободные выборы непременно

³² The Economist, 08.VIII.2009, p. 48.

³³ Hafez K. Zwischen antiautoritärer Opposition und totalitärer Hierarchie. – Die Politische Meinung, 2003, № 408, S. 20.

³⁴ Cole J. Engaging the Muslim World. New York, 2009, p. 48, 76, 61.

обернутся торжеством крайних исламистов. Для умеренных исламистов идея реисламизации общества не равнозначна тенденции к установлению “муллократии” (Кстати, египетские “Братья-мусульмане”, вопреки распространенному мнению, далеко ушли от экстремизма и являются сейчас вполне respectable партией, борющейся за места в парламенте).

Похоже, что прав был французский исламовед Ж. Кепель, утверждавший, что “исламистские движения переживают беспрецедентный моральный кризис... Исламизм строил планы на будущее, но завяз в прошлом... Исламистской идеологии так и не удалось превратить современных мусульман в исламистских активистов... Высвобождение из идеологических пут открывает перед мусульманами широкий простор для определения своей судьбы и эмансипации от догм. Это будет означать возвращение к великой традиции мусульманских обществ, исторически составлявшей их силу и заключавшейся в их чрезвычайной пластичности по отношению к изменениям окружающего мира”³⁵.

Имеющее хождение на Западе представление о том, что ислам по определению несовместим с демократией – это такой же миф, как давнее мнение о неспособности мусульманского общества в силу его приверженности исламским догмам приобщиться к системе свободного предпринимательства, к рыночной экономике.

Исламское сообщество с его великими культурными традициями и сотнями миллионов преданных приверженцев потенциально обладает огромной мощью и динамизмом, оно способно внести большой вклад в развитие человечества. Судьба исламской цивилизации зависит от ее способности избавиться от двойного комплекса превосходства и перманентной обиды, справиться с демонами самодовольства и нетерпимости.

³⁵ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004, с. 347, 349.